

Историческая библиотека
И. А. Бунина

Владимир
КОНСТАНТИНОВ

СКАЗКИ

ББК 84/2р/6
К-65

ОТКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ
ОБЩЕСТВО

• АПК • ОРЛОВСКАЯ НИВА •

ДЕТЯМ

Владимир Константинов. Сказки. Орел: издательство «Вариант В», 1966.—с. 36.

ISBN 5-900901-03-3

© В. Н. Константинов, 1996 г.
© «Вариант В».

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ИНДРИКА

Эта удивительная история произошла много миллионов лет тому назад, когда человека еще не было, а жили на земле дикие звери и было так тепло, что на полярном острове Шпицбергене росли каштаны и секвойи.

Самыми большими зверями, что бродили тогда по суше, были безрогие носороги Индикотерии*.

Такой носорог, чем-то похожий и на тапира, и на лошадь, был так велик, что, окажись на улице города, он бы спокойно мог заглянуть в окна третьего этажа. Вот у таких гигантов мамы и папы носорогов родился сын, которого назвали Индиком. Индик быстро рос и уже после сезона дождей, когда над саванной опять засияло солнце, стал далеко убежать от родителей, чем причинял им немало хлопот и огорчений. И сейчас Индик бежал между кустов, густо усыпанных розово-красными цветами, и громко пел: «Никого я не боюсь. Я уже большой». Вдруг он заметил красивую бабочку с синими крыльями и погнался за ней.

— Догони, — кричала тоненьким голоском бабочка и улетала все дальше и дальше.

— Поймай меня, — дразнила она, мелькая синим огоньком среди деревьев. — А ну тебя! — наконец, произнес Индик и остановился.

Он завертел головой, стараясь увидеть высокие акации, возле которых паслись его родители, но напрасно: вокруг него теперь возвышались, увитые лианами, стволы могучих деревьев.

— Значит, я заблудился, — догадался Индик, — значит, надо спросить дорогу у кого-нибудь, кто встретится.

И он побежал дальше, напевая свою храбрую песню.

Но бояться ему было кого. В первобытном лесу, к которому подходила саванна, в красных скалах обитало чудовище, похожее одновременно и на громадного медведя, и на гиену.

И мама, и папа говорили сыну, чтобы он не бегал в лес, но Индик, как говорится, все пропускал мимо своих ушей.

У гиеномедведя, конечно, был помощник, длинное тело и короткие лапы которого чем-то напоминали крупную собаку-таксу, но голова, острые когти и длинный хвост этого хищника были кошачьими. А шкура у него была пятнистой, как у леопарда. Пятнистый зверь во время охоты издавал резкий звук: «Циввяк!». И обитатели леса за это прозвали его Циввяком и старались не попадаться ему на глаза. Ибо знали, что за ним следует ужасный гиеномедведь.

Тем временем Индик выбежал на светлую поляну, посреди которой росла молодая магнолия. Какое-то легкое движение в ее кроне привлекло его внимание. Индик перестал петь и остановился.

* Индикотерий — гигантский носорог, обитал когда-то в Азии.

— Наверное, там птица. Спрошу у нее про высокие акации, — решил он и направился к дереву.

В тот самый момент, когда Индрик появился на поляне, пятнистый зверь по прозвищу Циввяк разорял птичье гнездо. Проглотив добычу, он приготовился было соскочить с дерева, но, услышав песню нашего героя, затаился в листве.

— Да это всего-навсего детеныш длинношеих зверей из саванны, — обрадовался он, когда увидел Индрика и сразу же стал прикидывать в своем коварном уме: напасть ли ему одному или дать знать своему повелителю.

— Нет, пожалуй, детеныш такой большой, что мне одному с ним не справиться, придется докладывать, — наконец решил Циввяк и облизнулся длинным фиолетовым языком.

Индрик, увидев пятнистого зверя, добродушно спросил, что тот делает на дереве, не прячется ли от кого?

— Я прячусь? Да что ты? Я влез сюда, чтобы понюхать эти белые цветы. Обожаю аромат магнолий. От него делаешься как-то возвышеннее и хочется жалеть каждую букашку, — Циввяк плотоядно зевнул.

— Вот такую? — Индрик указал головой на оранжевого жука, что спешил по своим делам.

— Конечно, малыш, — ответил Циввяк и положил лапу на замершего от ужаса жука.

— Я заблудился. Покажите мне дорогу к высоким акациям, пожалуйста, — попросил Индрик и вильнул своим хвостиком, на конце которого темнела смешная кисточка.

— Почему же не показать дорогу такому вкус... нет, такому вежливому малышу, — ответил Циввяк и указал лапой совсем в другую сторону.

Индрик оглянулся: солнце сияло, яркие бабочки порхали над цветами, в траве на разные голоса стрекотали кузнечики, в голубом небе, словно розовое облако, летела стая птиц.

— Мне бежать туда, куда летят птицы? — переспросил он.

— Конечно, малыш. Фламинго очень любят вить гнезда на этих самых акациях. — соврал Циввяк и добавил: — Клянусь своим хвостом, если ты поспешишь за ними, то очень скоро будешь с папой и мамой, циввяк!

Индрик никогда не видел розовых птиц на высоких акациях и не знал, что слово «циввяк» означает начало большой охоты, но поверил пятнистому зверю и, сказав спасибо, припустился по звериной тропинке, что петляла среди цветущих кустов камелий. Тропинка привела его к озеру. Забыв о маме и папе, Индрик принялся плескаться и брызгаться, как все малыши во все времена.

Накупавшись, он выбежал на берег, повалялся в горячем песке, отряхнулся и только теперь сообразил, что тропинка привела его не к реке,

что протекала неподалеку от высоких акаций, а к незнакомой ему воде. И тут из воды показалась морда какого-то зверя. Индрик испугался, но не убежал. Болотный носорог, тоже без рога на носу (в те времена многочисленного носорожьего племени далеко не у всех росли рога на носках!) и пастью, из которой торчали вперед острые клыки, сопя выбрался на берег и, сердито взглянув на Индрика, спросил:

— Что расшумелся, длинношей? Или ты такой храбрый, что не боишься повелителя красных скал?

— А вы такой большой, вы его боитесь? — удивился Индрик?

— Я? — болотный носорог фыркнул, прошелся по берегу, затем важно произнес: — Я — другое дело. Для меня этот гиешка, что лягушонок.

— Я заблудился. Покажите мне дорогу к высоким акациям, — Индрик с надеждой посмотрел на толстого с серо-зеленой кожей зверя.

— Отчего же не показать. Я там бывал. Дело простое. Надо переплыть озеро. Потом по реке доплыть до черной скалы, а оттуда совсем близко до твоих акаций, — ответил болотный носорог.

— Я не умею плавать, — Индрик опустил голову.

Тут за стеной леса раздался звериный рык. Болотный носорог пошевелил маленькими, острыми ушами, прислушался, затем пробурчал: — Мне больше и делать нечего, как только учить плавать всяких там длинношей, — быстро повернулся и с неожиданной прытью ринулся к воде. Через минуту его словно и не было, только волна колыхала рядом в заливчике круглые листья кувшинок.

Индрик постоял еще немного у воды, а затем побрел прочь. Едва он достиг небольшой рощи вечнозеленых дубов, как треск слева в кустах орешника заставил его насторожиться.

— Тебе надо спрятаться за дерево, — раздалось у него над ухом. Индрик повернул голову и увидел среди листвы странного зверя, который висел вниз головой, держась задними лапами за сук.

Шум в кустах нарастал.

— Скорее прячься, — странный зверь уже сидел на суку.

Индрик зашел за ствол дуба. В ту же минуту на поляну, тяжело ступая, вышел похожий на кабана, но ростом с буйвола, зверь, покрытый от розового пятака-носа до коровьих копыт буровато-рыжей щетиной. Подняв длиннорылую с костяными выростами под глазами морду, рыжий зверь с шумом втянул воздух своими круглыми ноздрями, но, видимо, ничего не учуяв, разочарованно произнес:

— Ни тебе орехов, ни тебе желудей. Ничего не созрело, одни только цветы. А я голоден... Хрю.

Затем он опять понюхал воздух, и, уставившись злобными глазками на дерево, за которым прятался Индрик, громко произнес:

— Тут наверняка прячется что-то живое. А не поохотиться ли мне за этим живым, как в добрые старые времена?

— Стой тихо, — шепнул Индрику странный зверь и закричал: — Эй, ты, страшилище, пожиратель пауков и тараканов. Зачем пожаловал?

Рыжий зверь поднял свою страшную морду:

— Это ты мне, вертлявый? Это я пожиратель всякой мерзости?

— Да, любитель сороконожек и слизняков!

— Ну, я тебе задам, — рыжий зверь легко поднялся на задних ногах, и его изогнутые клыки пронеслись почти рядом с храброй обезьяной.

Та, перескочив на сук повыше, продолжала дразнить рыжего зверя.

Тот в ярости принялся крошить кору дуба.

Обезьяна вдруг соскочила с дерева и помчалась прочь.

— Держи, лови! — заревел рыжий зверь, и, сметая все на своем пути, ринулся следом. Прошло не так уж много времени, когда смелая обезьяна вернулась.

— Ты настоящий друг. У тебя храброе сердце. Как тебя зовут? Где страшилище? — выпалил все сразу Индрик и вильнул своим смешным хвостиком.

— Страшилище теперь в болоте. Учужало какие-то корешки и сразу же забыло обо всем. А меня зовут Питек*, — ответил новый друг Индрика и в свою очередь спросил имя у нашего героя.

— Индрик! Какое хорошее имя. Не твои ли родители великие звери, что живут в саванне?

* Проплиопитек (у меня Питек!) — древняя человекообразная обезьяна.

— Мои! — радостно закричал Индрик и тут же попросил показать ему дорогу к высоким акациям. Питек почесал голову, вздохнул и признался, что дороги туда не знает. У Индрика на глаза навернулись слезы: если уж такой ловкий, такой храбрый Питек не знает дорогу к высоким акациям, значит, придется ему, Индрику, ночевать в лесу, где охотится кровожадный гиеномедведь.

— Я придумал, — Питек уже висел на суку, вцепившись передними лапами. — Я отведу тебя к дедушке Халику*. Он самый мудрый, самый добрый в нашем лесу. Он, конечно, знает про высокие акации.

— Бежим к нему скорее, — заторопил друга Индрик. И друзья помчались к дедушке Халику.

Пока Индрик купался, пока прятался за деревом, когда Питек воевал с рыжим зверем, Циввяк давно добрался до логова гиеномедведя и пытался того разбудить. Но тот, сытно пообедав, никак не хотел подниматься и даже рыкнул на надоедливого помощника. Этот рык и испугал толстого болотного носорога.

— Убежит сладкое мясо, — шипел Циввяк, но гиеномедведь не просыпался. Тогда Циввяк постарался запеть голосом Индрика: «Никого я не боюсь. Встретится гиешка — раздавлю как лягушонка!» Гиеномедведь открыл желтые глаза и уставился на помощника: "Кто этот наглец, что собирает меня раздавить?"

— О, да простит меня повелитель красных скал и всех окрестностей, что я посмел потревожить его сон, — Циввяк изогнулся в поклоне.

Гиеномедведь вышел из логова, потянулся, зевнул, обнажив красную пасть, усаженную целым набором острых зубов, затем растянулся на нагретой солнцем каменной плите и приказал: "Выкладывай!"

— О сотрясатель скал, так поет детеныш длинношеих зверей из саванны. Это глупое мясо смеет сравнивать тебя, повелитель, подумать только, с зеленой лягушкой!

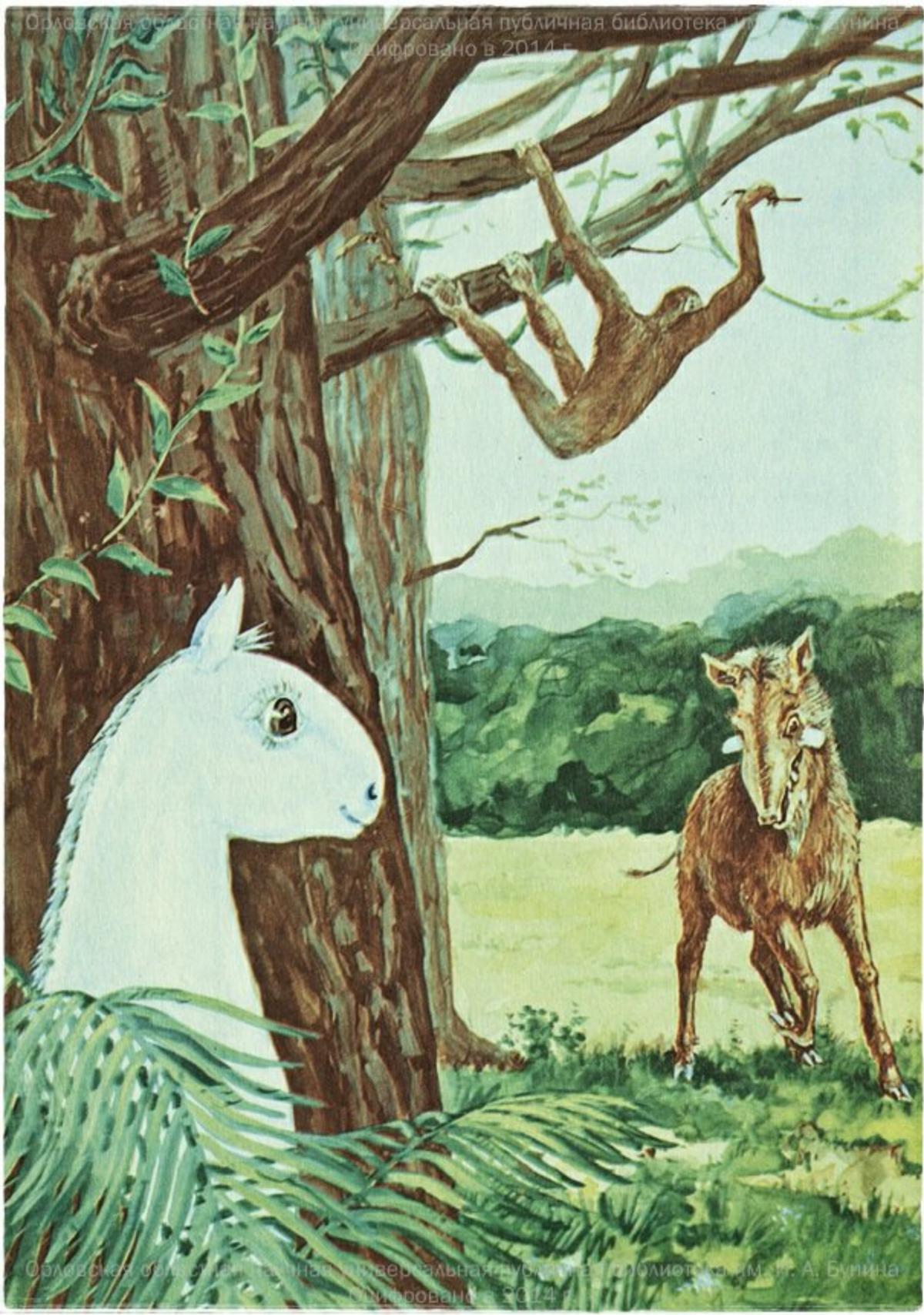
— Где это глупое мясо? — рявкнул гиеномедведь, и шерсть у него на загривке поднялась дыбом.

— Я все предусмотрел. Когда этот простофиля спросил дорогу к высоким акациям, я его... хи... хи... послал в другую сторону, — промурлыкал Циввяк и лизнул когтистую лапу своего повелителя.

— Так чего же ты ждешь, веди скорее к этому глупому мясу, — заревел гиеномедведь и поднялся с плиты. Циввяк пригнулся к земле, и, беспрерывно принохиваясь, бросился в лес. За ним ринулся гиеномедведь.

Солнце было еще высоко над синими горами, когда Питек и Индрик отыскивали дедушку Халика, который оказался похожим на очень большую

* Халикотерий (у меня Халик!) — ископаемое млекопитающее.

лошадь, но его лошадиные ноги оканчивались не копытами, а лапами с большими когтями. Дедушка Халик стоял на задних ногах-лапах, передними же, вцепившись в сук раскидистого дерева, лакомился молоденькими веточками и листьями. Питек в мгновение ока очутился на дереве, прямо перед глазами дедушки Халика.

— Что привело тебя ко мне? — спросил тот и потянулся за следующей порцией листьев.

— Нас двое. Мы к тебе за советом, — ответил Питек, и сорвав листок, отправил себе в рот.

— Вижу, что не просто так. — Дедушка Халик оставил еду, опустился на все четыре ноги-лапы, потряс короткой седой гривой и повернувшись к Индрику, сказал: — В мире что-то меняется, если детеныш великих зверей саванны гуляет себе один в нашем лесу.

— Меняется, меняется, — заторопился Питек и хотел рассказать обо всем, что случилось с его новым другом. Но дедушка Халик перебил: "Пусть сам все расскажет."

Пришлось Индрику поведать свою грустную историю. Выслушав, дедушка Халик почесал бок о шершавую кору дерева, затем произнес:

— Задать бы тебе, Индрик, хорошую трепку, но я думаю, твои родители разберутся с тобой сами.

— Да я... — начал было оправдываться Индрик, но дедушка Халик его остановил: — Твое горе еще не беда. Солнце еще не коснется синих гор, когда мы с тобой будем на опушке леса, а там и до высоких акаций недалеко, малыш.

— И я с вами, — предложил Питек.

— Нет уж,ждидайся меня здесь, — возразил дедушка Халик и не спеша тронулся в путь.

— Прощай, Индрик, — раздалось с самой макушки дерева.

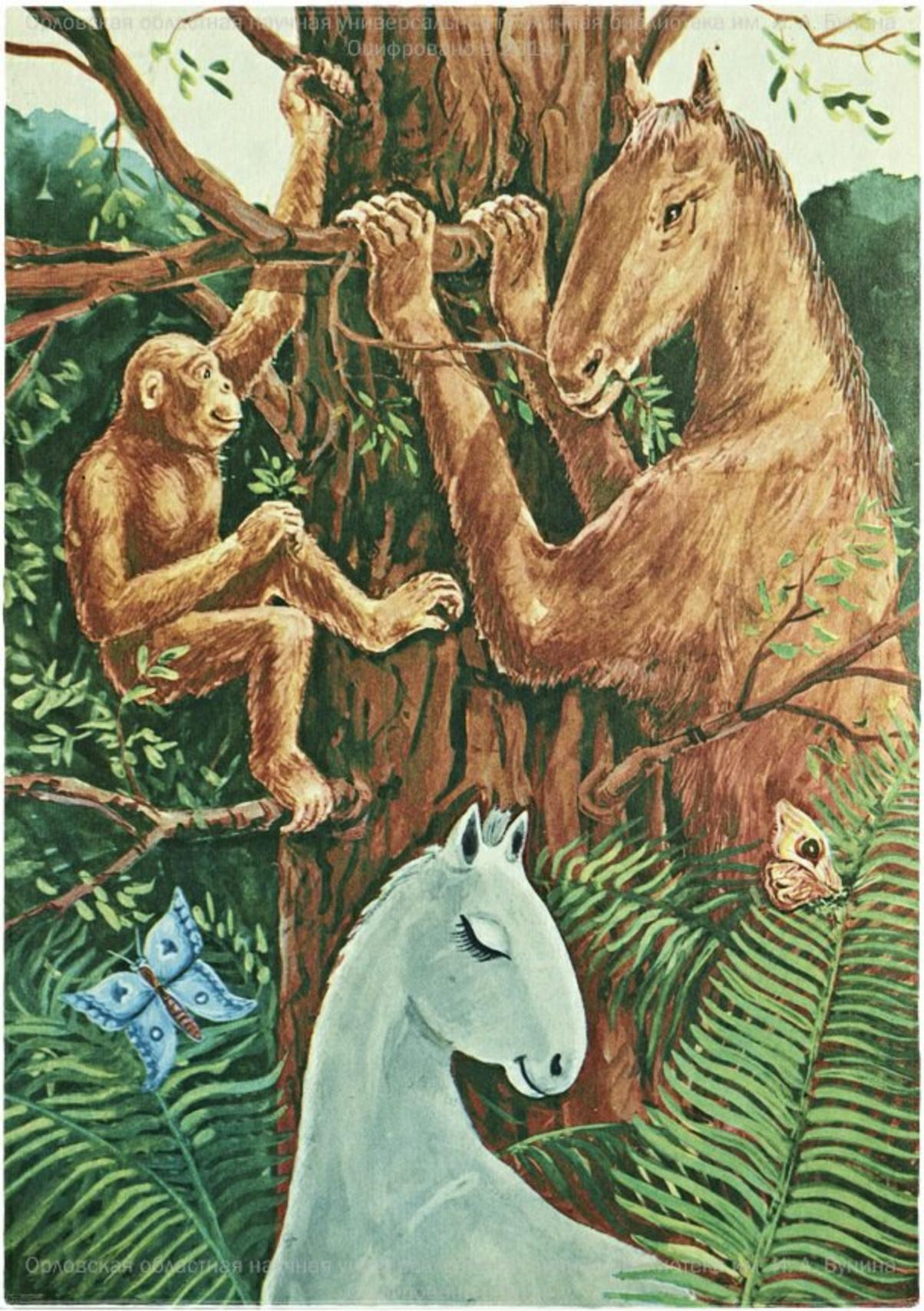
— До свидания, спасибо, — обернулся на ходу тот и догнал дедушку Халика. Они бежали так долго, что вконец измученный Индрик остановился и пролепетал: — Мои ноги устали, бежать не хотят.

И тут по лесу прокатился рев гиеномедведя. И словно подбросил наверх нашего героя, который сразу же забыв об усталости, устремился к поджидавшему его дедушке Халику.

— Еще немного, малыш, и мы у цели, — крикнул тот, и неуклюжим галопом понесся в сторону просвета между деревьями. Скоро лес расступился, и они оказались на залитой лучами заходящего солнца лесной опушке.

— Легконогий, где ты, отзовись! — прокричал дедушка Халик и прислушался.

Через некоторое время зашелестело в ближних кустах и перед ними появился поджарый зверь из того же носорожьего племени, что и Индрик, но с полосатой, как у зебры шкурой.

— Что случилось? — спросил Легконогий.

— Надо довести вот этого малыша до великих зверей саванны, — ответил дедушка Халик и тряхнул гривой.

Когда Индрик и легонький зверь скрылись в кустах, дедушка Халик стал у могучей сосны и приготовился дорого продать свою жизнь. Действительно, скоро на опушку выскочил Циввяк и, обнаружив только дедушку Халика, злобно прошипел: — Куда девался длинношей, старая шкура?

— Проваливай, пока цел, — хмуро ответил тот и поднял переднюю ногу-лапу. В дикой ярости Циввяк бросился на дедушку Халика, пытаясь вцепиться в горло, но, получив отпор, с визгом отлетел в сторону.

Из леса вымахнул гиеномедведь, и, увидев скулящего помощника, небрежно спросил: — Кто это тебя так?

Циввяк указал лапой на дедушку Халика.

— Ты посмел обидеть моего слугу! — взревел косматый гиеномедведь и двинулся в атаку.

Но Циввяк его остановил: — Зачем эта старая шкура? А не лучше ли продолжить погоню за сладким мясом, циввяк!

После того, как Индрик исчез, великие звери саванны обошли все окрестности, но нигде не обнаружили его следов.

— Он ушел в лес. Его съело чудовище из красных скал, — горько вздыхала мама Индрика, но поисков не прекращала. И сейчас великие звери находились неподалеку от опушки леса, когда из-за кустов лавра выскочил легконогий зверь, а за ним и их Индрик!

Следом вывалилась ужасная погоня. Ярость вскипела в груди гиганта саванны, и он ринулся навстречу врагам.

— Вперед, мой повелитель, — верещал Циввяк, а сам прятался за гиеномедведя. Тот попытался напасть на великого зверя, но Индрикотерий встретил его мощными ударами ног. Скаля зубы, брызгая слюной, гиеномедведь медленно пятился к лесу и, наконец, не выдержав атаки гиганта, позорно удрал с поля битвы. Впереди него, визжа от страха, мчался пятнистый зверь по прозвищу Циввяк.

Всю ночь стоял на страже великий зверь саванны, охраняя сон своего малыша. Тот, прикорнув к теплому материнскому боку, сладко спал и только иногда вздрагивал во сне, заново переживая приключения, которые произошли с ним, когда он погнался за синекрылой бабочкой.

ЗЕЛЕНЬ ЦВЕТОК

Зеленый цветок рос в красивом вазоне, что стоял на подоконнике. У противоположной стены на полке стоял фарфоровый гномик и иногда кивал головой, когда мимо дома проезжали тяжелые автомашины. Цветок и гномик были большими друзьями и любили поболтать о всякой всячине.

Золотоволосая девочка Вика, что жила в этой квартире, порой нарочно раскачивала голову гномика. Когда ей это надоело и она уходила из комнаты, гномик все равно качал головой и в отчаянии говорил своему зеленому другу: — Злая девочка, у нее нет сердца.

— Она просто шалунья и не больше, — успокаивал гномика зеленый цветок и с грустью добавлял: — А вот меня она совсем не замечает, я разве ж цветок? Я — жалкая кучка длинных листьев.

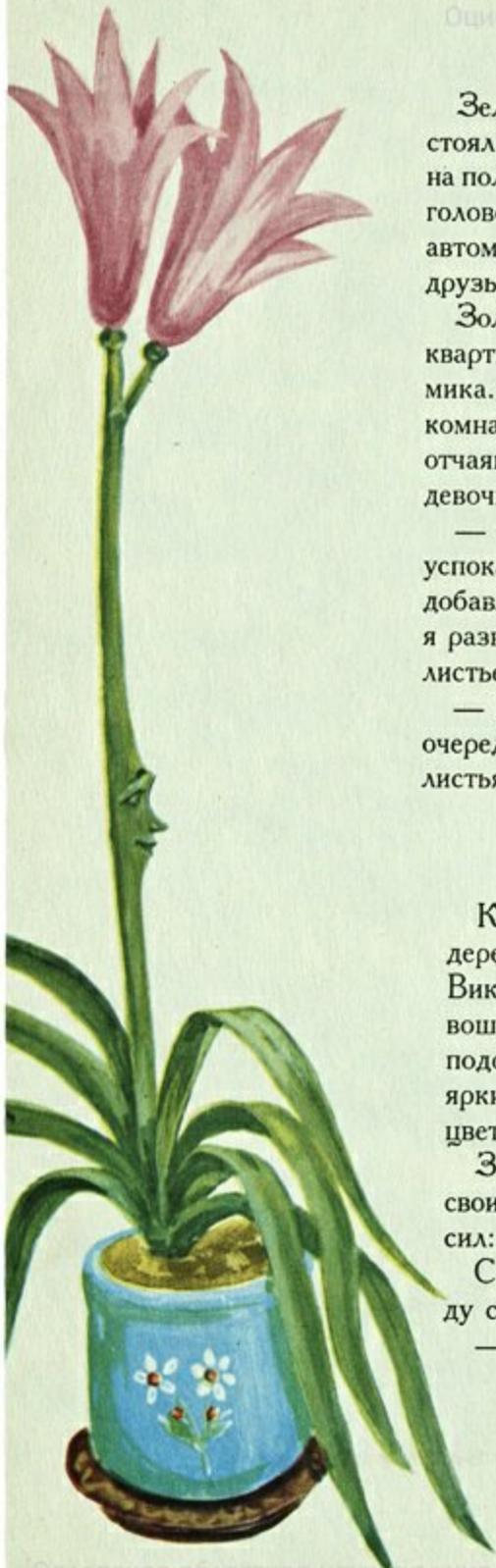
— Напрасно вы так думаете о себе, — в свою очередь начинал успокаивать его гномик. — Ваши листья словно сделаны из малахита.

Как-то родители увезли Вику в деревню к бабушке. Когда же Вика после долгого отсутствия вошла в комнату, то поставила на подоконник вазу с необыкновенно яркими, похожими на синее небо цветами.

Зеленый цветок, посмотрев на своих новых соседей, вежливо спросил: — Как вас зовут?

Синие цветы пошептались между собой и хором ответили:

— Мы васильки.

— А где ваша родина? — опять спросил зеленый цветок.

— Как, вы не знаете, где растут васильки? Такой большой цветок и ничего не знает! — захихикали васильки.

— Что тут особенного, если я не знаю, где ваша родина? — обиделся цветок и добавил: — Моя родина — подоконник, и я этим горжусь!

— Его родина — деревянный подоконник? Ха, ха, ха! — не унимались васильки.

Гномик, который до этого не принимал в разговоре никакого участия, строго сказал: — Прекратите смеяться, невоспитанные цветы, у вас совсем нет сердца! Зеленый цветок родился на этом подоконнике, а значит, это и есть его родина.

— Мы не поняли, извините нас, — сказал один из васильков и добавил: — Мы думали, что цветы роятся только в земле, в поле.

— Я видел, как в вазон насыпали землю и туда посадили луковицу, из которой и вырос мой друг, — уже более спокойным голосом проговорил гномик и перестал качать головой.

Пошептавшись между собой, васильки вежливо спросили: не хотят ли их новые соседи услышать рассказ про родину, где рождаются васильки?

У зеленого цветка было доброе сердце, и он сказал: — С удовольствием послушаем вас, малыши.

Целых три дня наперебой рассказывали васильки про бескрайнее поле высокой ржи, про ласковое солнце, про розовые облака, про жаворонков, внутри которых, когда они трепещут крыльями в голубом небе, как будто звенят колокольчики. А на четвертый день, когда зеленый цветок и гномик ожидали услышать от васильков обещанный рассказ про суетливых муравьев, те вдруг поникли головками.

— Что с вами, друзья? — забеспокоился зеленый цветок.

Но никто из прежде озорных васильков не пошевелился.

— Увяли, какая печаль! — еле слышно произнес гномик и закивал своей головой.

Шло время. За окном уже бушевала метельная зима. Но зеленому цветку по-прежнему было тепло и уютно. И вот наступил час, когда он почувствовал в себе такой прилив сил, что даже запел среди ночи. Люди, конечно, его не услышали, но гномик проснулся и спросил: — Что, разве уже утро?

— Нет еще, — рассмеялся зеленый цветок. — Я пою оттого, что внутри меня происходит необыкновенное!

Утром Вика вошла в комнату и ойкнула от изумления. За ночь из середины длинных, сочных листьев, как по волшебству, выросла упругая стрелка, на вершине которой распустились нежно-розовые цветы, очень похожие на двух больших красивых бабочек.

Мама рассказала Вике про далекую страну, где круглый год растут

необыкновенные, прекрасные цветы, а среди них стремительно носятся разноцветные птицы колибри и пьют длинными клювами нектар.

— Значит, и наш цветок из той страны? — спросила Вика. — Из той, моя девочка, — ответила мама, и они ушли.

Зеленый цветок гордо выглянул в окно, чтобы и другие люди увидели, как он прекрасен. Однако на улице мела метель, и прохожие, спрятав носы в воротники, не обратили на него никакого внимания. Зеленый цветок с огорчением отвернулся от окна и посмотрел на своего верного фарфорового друга.

— Прекрасен, прекрасен! — сказал тот и кивнул своей мудрой головой в пестром колпаке.

Зеленый цветок сразу же успокоился, но с тех пор в его сердце появилось незнакомое ему раньше чувство. Ему очень захотелось взглянуть на далекую жаркую страну, где круглый год сияет солнце, цветут необыкновенные цветы и пьют их нектар разноцветные птицы колибри, которые, подумав только, бывают размерами не больше шмеля.

ТРИ СОЛНЫШКА!

Бабушка ткала ковер на ручном станке. Настенька сидела на стуле рядом и смотрела. Словно стрижи, носились ловкие бабушкины руки, прокидывая уток* сквозь крученые нити основы. Затем она колотушкой со стальными зубьями «прибивала» нить утка одна к другой.

Дело спорилось: ковер был почти готов; осталось только соткать опушку.

— Я клубники хочу, — вдруг заявила Настенька.

— Хорошо, пойду соберу тебе клубники, — сказала бабушка и ушла.

Настенька терпеливо ждала бабушку. Потом ей захотелось тоже ткать. Она слезла со стула, подошла к коврику и, как бабушка, оттянув левой рукой ремизки**, правой попыталась протащить моточек цветных шерстяных ниток через нити основы, да сразу все и запутала. «У, черный какой!» — обиделась Настенька на ковер и хлопнула по нему ладошкой.

— Девочка, разве я весь черный? Ты забыла про мои три солнышка, которые выткала твоя бабушка, — сказал чей-то голос. Настенька посмотрела по сторонам, но никого кроме нее в комнате не было. Тогда она догадалась, что сказал ей эти слова сам ковер, и несколько не удивилась. Ибо хорошо известно, что дети умеют понимать язык не только зверят, а и вещей.

— Это вовсе не солнышки, а круги, — возразила Настенька. Она вспомнила, что бабушка так называла вытканые на ковре разноцветные ромбы.

— Нет, солнышки! — возразил ковер.

— Нет, круги!

Неизвестно, до каких бы пор длился этот спор между упрямой девочкой и ковром, но последнему это в конце-концов надоело.

— Знаешь что?! — миролюбиво предложил ковер. — Давай полетим к Солнцу и спросим у него про мои солнышки: не его ли они младшие сестрички?

И он, словно большая бабочка, вспорхнул со станка и расстелился на полу.

— Летим, — согласилась Настенька и села на ковер.

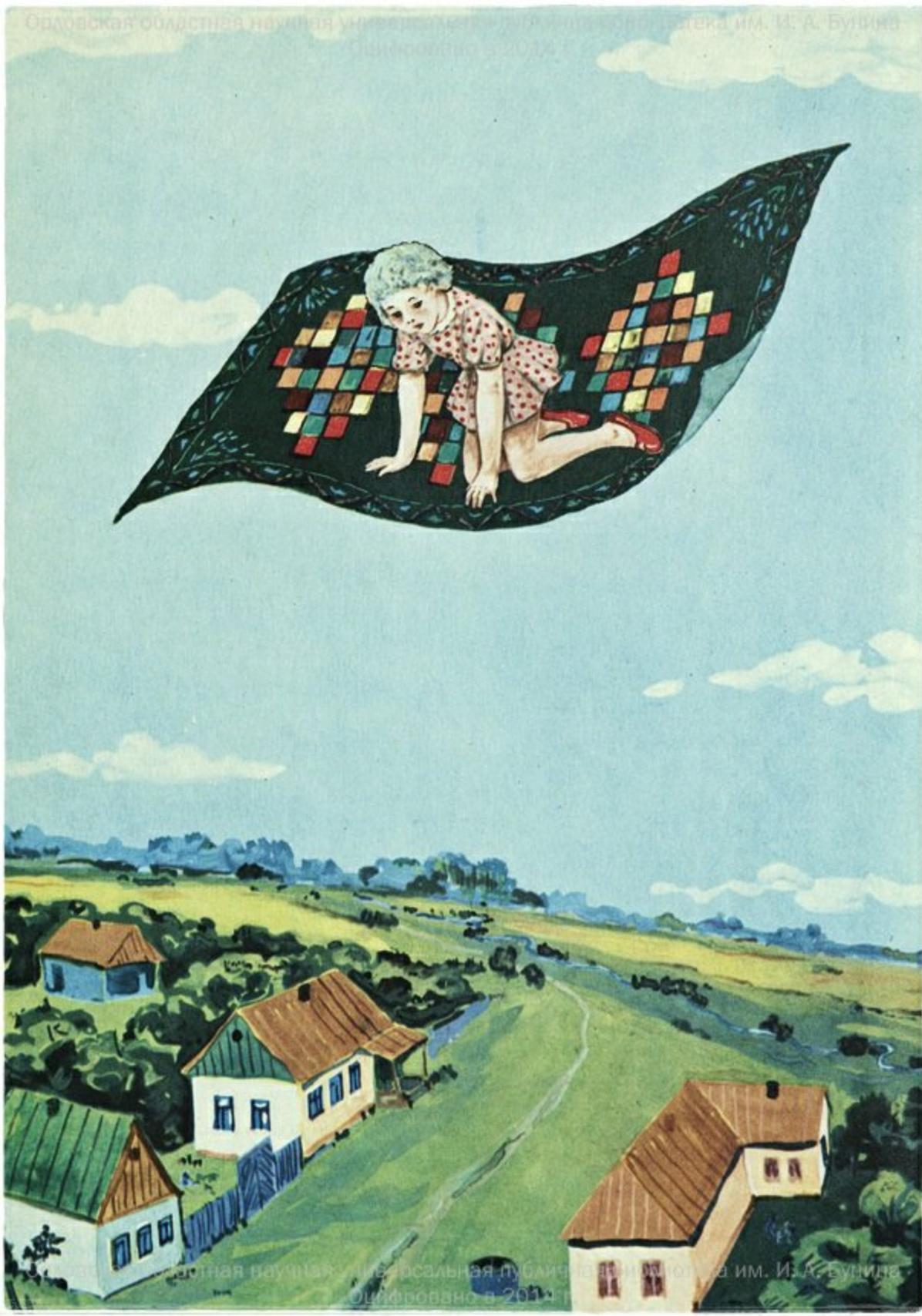
В ту же минуту ковер легко приподнялся над полом и вылетел в открытую дверь, во двор!

Кот Мурзик, увидев что-то большое, черное, летящее, в испуге юркнул в подполье, собака Топка с визгом забилась в конуру, белые голенастые куры с перепугу перелетели через высокий забор.

Ковер же, пролетев двор, сад и огород, стал подниматься к белому

* Уток — челнок, похожий на уточку.

** Ремизки — специальные нити для оттягивания нитей основы.

облаку, что стояло над дальним лесом. Настенька подползла к краю и заглянула вниз. Их дом под красной крышей так уменьшился, что стал как маковое зернышко.

А речка Лукомка, на берегах которой росли оранжевые одуванчики, превратилась в тонюсенькую струнку.

— Ух! С непривычки я немного устал. Надо передохнуть, — сказал ковер и опустился на облако, на самую его вершину. Настенька вначале немного испугалась, потом, осмелев, решила побегать по облаку. Облако оказалось мягким, как ее постель.

— Я отдохнул. Можно лететь дальше, — сказал ковер. И они полетели.

Прошло совсем немного времени, и, к удивлению Настеньки, небо из голубого почему-то превратилось в черное. Хорошо еще, что по нему, словно блестящие бусинки, рассыпались звезды. Настенька потрогала одну из них и засмеялась от неожиданности: у звездочки оказался прохладный бочок!

Скоро звезд стало так много, даже больше, чем зимой вкусных снежинок, которые Настенька так любит слизывать со своих варёжек.

— Я, наверное, заблудился, — сказал ковер и остановился.

Но тут из-за зеленого бока земли появилось солнце.

— Ура! — крикнула Настенька и от радости стала кувыркаться.

— Осторожно, так можешь упасть! — испуганно вскрикнул ковер и, приподняв края, понес девочку к солнцу.

— Здравствуй, солнышко! Ты всегда будешь меня греть? — спросила Настенька.

— Всегда, — ласково ответило солнце и погладило золотистым лучом лняные кудряшки девочки.

— И даже когда осенью тучи и колючий дождик?

Солнце, немного подумав, ответило:

— Взгляни на свой ковер, девочка. Разве ты не видишь на нем моих младших сестричек?

Настенька перевела взгляд на ковер и словно впервые увидела, как весело играют на его черном поле золотистые, розовые, желтые, зеленые и оранжевые ромбы — солнышки.

— Когда небо закроют тучи, ты только взгляни на них, и тебе сразу станет весело, — сказала солнце и заторопилось: «Мне еще другую половину земли согреть надо!»

— Спасибо, я все запомнила, доброе солнышко! — крикнула Настенька, и ковер понес ее обратно, домой.

Раз — и вот уже сверху стал виден дом под красной крышей. Двор, где возле своей зеленой будки стоял Топка и приветливо вилял хвостом. Два — и ковер, влетев в комнату, бережно опустил девочку на пол. Сам

же, как ни в чем не бывало, устроился на ручном ткацком станке. Три — Настенька открыла глаза и увидела бабушку с полной миской алой клубники.

— А я на ковре летала, — сказала она.

— Куда? — улыбнулась бабушка.

— Мы к солнышку летали, — ответила Настенька и взяла самую крупную ягоду.

— Зачем?

Пришлось Настеньке рассказать бабушке все о своем путешествии и, самое главное, про младших сестричек доброго солнышка, которых бабушка так чудесно выткала на ковре.

Бабушка расцеловала внучку и пообещала, когда та еще немножко подрастет, научить и ее ткать ковры, которые в народе зовутся солнышками.

ДЕВОЧКА И ШМЕЛЬ

В некотором царстве, в некотором государстве на Садовой улице в доме под зеленой крышей жила-была девочка Лина. Как и все дети, она очень любила мороженое, но вот одеваться сама не любила совсем.

Как-то утром, когда Лина еще лежала в постели, по обыкновению капризничала, бабушка сказала: — Ты теперь девочка большая и с сегодняшнего дня будешь одеваться сама.

— Не буду, — захныкала Лина.

Но бабушка не стала больше ничего говорить, положила рядом на стул платье, гольфы и сандалии внучки и ушла в огород полоть грядки.

Лина перестала хныкать. Ну зачем, спрашивается, ей капризничать, когда рядом нет взрослых?

За открытым окном розовели мальвы, сияло солнце и порхали бело-желтые бабочки. Лине, конечно, хотелось на улицу, но вот одеваться было лень. Так и лежала она в постели, завидуя мальвам и бело-желтым бабочкам.

Большой мохнатый шмель случайно сел на подоконник, увидел лежащую в постели девочку и вежливо спросил:

— Ж-ж-ты что ж-ж-больна, ж-ж-девочка?

— Я не больна. Я одеваться не умею, — призналась ему Лина. Шмель очень удивился и прожужжал:

— Ж-ж-мои дети меньше тебя, ж-ж-девочка, а уже сами ж-ж-одеваются.

— Не мешай мне лежать, оса, — ответила Лина.

Шмель от неожиданности чуть не свалился с подоконника, но удержался и сердито прожужжал:

— Ж-ж-я не оса, я ж-ж-шмель. А вот ты ж-ж-лежебока, ленивая ж-ж-девочка.

И затем он быстро-быстро заработал крылышками и улетел по своим делам. А Лина опять осталась одна в комнате.

Тем временем лучи солнца вскарабкались на подушку.

— Ну вас, — капризно сказала Лина и отвернулась к стене.

Но солнце не обратило никакого внимания на девочку и продолжало припекать.

— Все равно не буду одеваться сама, — заявила Лина, но все-таки слезла с кровати и вышла во двор.

Во дворе кипела работа: пестрая курица учила цыплят клевать зерна; щенок Топка старательно грыз кость; котенок Мурзик, прижавшись к земле, подкрадывался к воробьям.

Лина села на теплый порог и позвала Мурзика, чтобы он поиграл с ней.

— Тс-с, я занят делом. Я учусь охотиться на мышей, — ответил ей Мурзик.

— Это же воробьи! — удивилась Лина.

— Ну как ты не понимаешь! Ведь это только тренировка, — солидно сказал Мурзик и убежал за перелетевшими в сад воробьями.

— Топка, иди ко мне играть, — крикнула Лина.

Но щенок и ухом не повел.

Из конуры вышла большая собака Лада и сердито сказала:

— Топка занят делом. Он учится грызть кость, и тебе, лежебоке, пора бы одеться и пойти в огород помочь бабушке.

Лина еще посидела на пороге, потом ей стало скучно одной, и она наконец сказала:

— Ну уж ладно, оденусь сама.

Она одевалась долго, наверное, час. И, хотя надела платье задом наперед, а сандалии на разную ногу, но все-таки впервые самостоятельно оделась. Потом Лина пошла к бабушке, чтобы помочь полоть грядки.

После работы Лина с аппетитом съела всю кашу и выпила целую кружку топленого молока. А затем вышла во двор. Сразу к ней подбежал

котенок Мурзик и щенок Топка. — Я сама оделась. Я помогла бабушке!
— рассказала им Лина.

Мурзик потерял о Лину ногу и замурлыкал от удовольствия. Топка же радостно залаял.

А пролетевший мимо шмель прожужжал сверху: «Ж-ж-я все видел. Ж-ж-беру свои слова обратно... ж-ж. Ты, девочка, ж-ж-оказывается, совсем не лежебока... ж-ж».

Лина звонко рассмеялась и помахала шмелю рукой. Потом она побежала в сад, а за нею помчались щенок Топка и котенок Мурзик.

НИКИТКА-ХРАБРЕЦ

— Мама, я тоже буду космонавтом, — сказал Никитка, услышав по радио сообщение о запуске ракеты с космонавтом на борту.

— Конечно, будешь, когда вырастешь, — согласилась мама.

Никитка походил по комнате, посмотрел в окно, за которым сиял июньский день, и решил: "Пойду погуляю".

— Далеко не уходи, — попросила его мама.

— Ладно, — сказал Никита и ушел.

Возле дома на зеленой лужайке отдыхали гуси. Серый гусак с хохолком на голове вытянул шею, зашипел и двинулся навстречу мальчику. Но Никитка еще не знал, что надо бояться гусей, и стоял себе, помахивая игрушечной саблей.

Гусак в нерешительности тоже остановился: если малыш не зовет маму, никуда не бежит, то, видимо, он несколько его, гусака, не боится. Не лучше ли просто поздороваться?

— Га-га, здравствуй, храбрец, — сказал гусак.

И Никитка его понял, так как птицы, звери и маленькие дети удивительным образом понимают друг друга.

— Я еще не храбрец, я мальчик. Мы с мамой приехали из города к моей бабушке, — выпалил Никитка.

— Га-га — вижу, — согласился гусак и спросил: — Какой он бывает, город?

Никитка поднял руки над головой: — Дома там во какие, до облаков.

— Га-га — подумаешь, высота, — сказал гусак и продолжал: — если я захочу, то взлечу выше облаков.

— Взлети, — попросил Никитка.

— После обеда я обычно плаваю, — ответил тот и собрался уходить.

— А я еще живого коня посмотреть хочу. Покажи мне коня, пожалуйста, — попросил гусака Никитка.

— Га-га, ты мне нравишься, вежливый мальчик. Я сейчас поведу свое стадо гусей на пруд купаться и, если хочешь, по дороге покажу тебе коня, — ответил гусак и похлопал крыльями.

На краю лужайки пасся буланый конь.

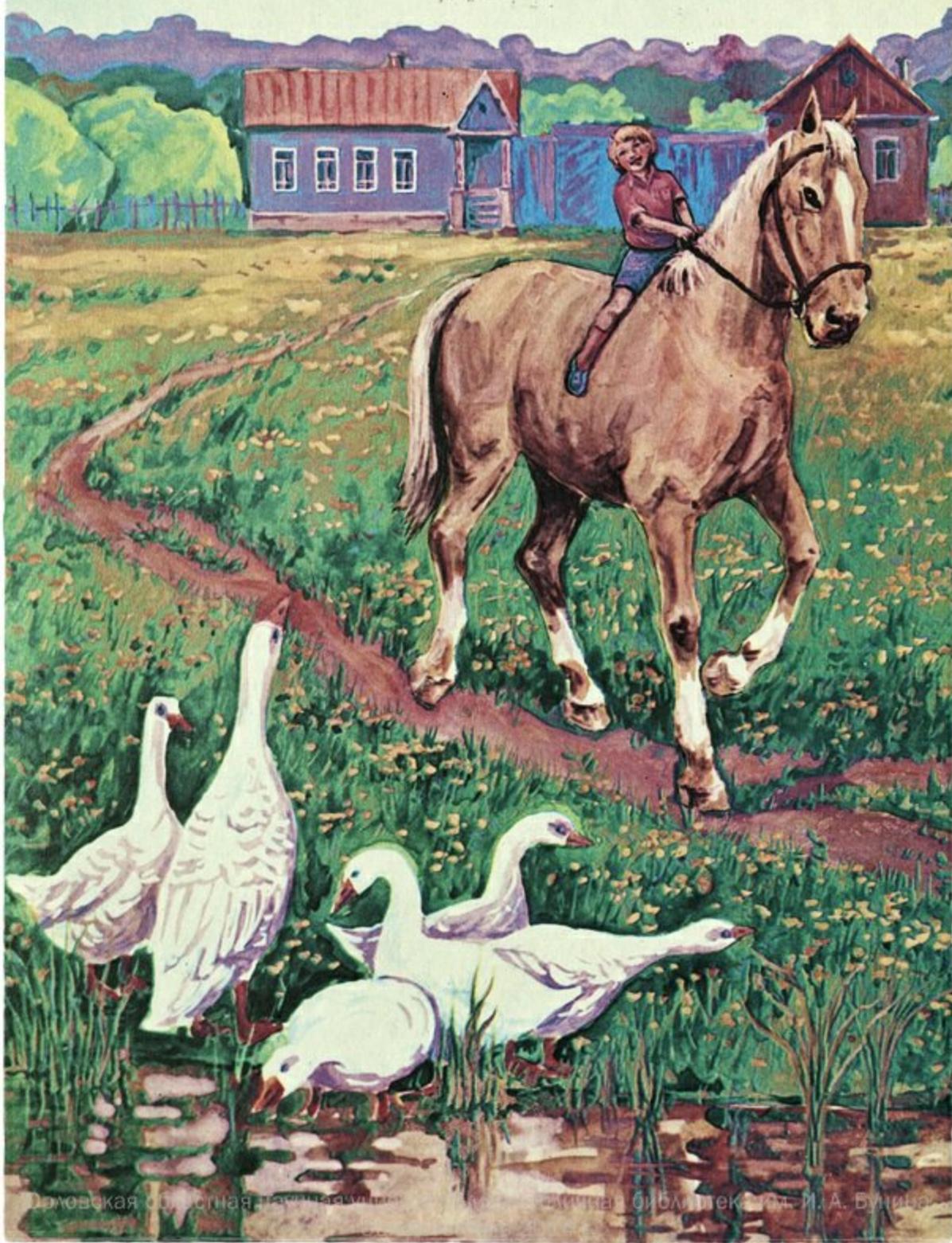
— Вот тебе конь, малыш, — произнес гусак и повел свое гусиное стадо дальше.

Никитка подошел к коню, потрогал его за могучую ногу. Конь перестал стричь траву, повернул голову и с удивлением посмотрел на белоголового мальчика.

— Здравствуй, дядя конь, — сказал Никитка.

— Добрый день, — ответил конь и потряс гривой.

— Я никогда в жизни еще не ездил верхом, — вздохнул Никитка.

— Ну, это дело поправимое, садись на мою спину и поедем, — добродушно предложил конь.

— Вы такой большой, прямо со слона, мне ни за что не взобраться, — у Никитки заблестели глаза.

Конь на минуту задумался, затем предложил: — Знаешь что, малыш, пойдем к твоему дому, у вас высокое крыльцо, и ты, пожалуй, с него сможешь взобраться мне на спину. Они так и сделали. И Никитка сумел вскарабкаться на широкую спину буланого коня. Конь прокатил Никитку до самого пруда, где плавали гуси.

— Га-га — ты впрямь храбрец, — крикнул гусак Никитке, увидев его верхом на коне.

— Га-га — конечно, храбрец, — хором подхватило все гусиное стадо.

— Поехали домой, — попросил коня Никитка.

Тот повернул обратно.

Когда Никитка уже подъезжал к дому, на крыльцо вышла его мама. Она очень испугалась, увидев сына верхом на могучем коне.

— Не бойся, мама, я уже кавалерист, которых по телевизору показывают, — солидно сказал Никитка и ловко слез с коня на крыльцо.

Мама подхватила сына на руки, радостно засмеялась: — Храбрец ты у меня, Никитка.

ИРИНКА И КОСМОС

Иринка спросила у бабушки, что такое Квазар? Бабушка ничего не знала про Квазар и отослала внучку к Сереже: он, мол, учится уже в шестом классе и все знает.

— Что такое Квазар? — спросила Иринка у брата.

Тот тоже ничего не знал про Квазар, но, состроив важное лицо, стал рассказывать что-то про Луну, спутники и космонавтов.

— Вот и не так, — перебила его Иринка. — Квазар, — это сверхмассивное, плазменное, магнитное... — и замолчала.

Из телевизионной передачи она запомнила только это. Сережа даже прикусил язык от неожиданности. Но Иринка уже убежала в соседнюю комнату и принялась кормить свою любимую куклу.

А на следующий день ей очень захотелось поиграть в космос и звезды. Она ведь очень любила смотреть телевизор и потому слышала и про Венеру, и про Водолей, и про черную дыру, и про многое другое.

Правда, Венера ей представлялась тетей из соседней квартиры, Водолей — дядей, который вчера чинил у них водопровод, а черная дыра — обыкновенной дыркой в стареньком бабушкином платке.

Иринка построила из разноцветных кубиков звездолет, уселась посредине и, скомандовав: «Отдать концы!», устремилась в Космос.

— Подлетаем к Венере, — прокричала она, разглядывая комнату через дырку в листе бумаги.

— Здравствуйте, тетя Венера, — вежливо произнесла она и сама же ответила голосом соседской тети:

— Здравствуй, Иринка, хочешь пирожного?

— Хочу! И мармелада, и мороженого.

— К сожалению, в другой раз, Иринка. До свиданья.

Тут она заметила Водолея и сказала бабушкиным голосом:

— Проходите, пожалуйста, мы второй день без воды маемся, просто беда.

— По курсу Альдебаран, — заключила Иринка свое путешествие и закрыла глаза ладошками.

Потом заплакала и позвала бабушку:

— Бабушка, я боюсь Альдебарана.

Бабушка удивилась:

— Какого еще барана?

— Большущего, рогатого.

Бабушка взяла внучку на руки, и Иринка быстро успокоилась. Сережа, хотя и находился в это время в соседней комнате, но все слышал и рассказал бабушке об Иринкином путешествии и о том, как она все на свете перепутала.

Теперь Иринка, чтобы ничего не перепутать, смотрит по телевизору не все подряд, а только передачи для детей.

А ты, малыш?

НОВАЯ ПОДРУЖКА

Аленка рано научилась читать. Первую книжку, которую она прочитала, была сказка про Красную Шапочку. "Но зачем там Волк?" — подумала Аленка, да и вырвала страницы про серого разбойника.

Как-то, когда она играла в своем саду, вдруг из-за кустов сирени выскочил огромный волк. Аленка так и села от страха на грядку с цветами. Волк же спросил у нее человеческим голосом: — Слушай, синеглазка, Красная Шапка здесь не проходила?

— Н... Н.. Не, — залепетала в ответ Аленка.

— У, ерунда какая. Глазами видел, носом чуял, а она взяла и исчезла.

Волк еще что-то пробормотал и тоже неожиданно исчез.

Аленка хотела уже бежать в дом, но тут из-за пышных кустов жасмина вышла девочка в клетчатом платье, нарядном переднике, в полосатых чулках и в вязаной красной шапочке. В руках она держала корзину с румяными пирогами и глиняным горшком с маслом.

— Красная Шапочка! — удивилась Аленка.

— Ты угадала, — ответила девочка и вздохнула: — И почему я заблудилась. Ведь я знаю дорогу к бабушке.

— Хочешь малины? — предложила Аленка.

Кто же откажется от спелой садовой малины?

Девочки полакомились малиной, поели полосатого крыжовника, отдали смородины. Вдруг Красная Шапочка посмотрела на небо и вскрикнула: — Дракон летит!

— Это никакой не дракон, а самолет, — рассмеялась Аленка.

Красная Шапочка недоверчиво взглянула на нее: — Ты хочешь сказать, это ковер-самолет?

— А мы с мамой на самолете к моей бабушке летали, — похвасталась Аленка.

Красная Шапочка промолчала и успокоилась только тогда, когда самолет пролетел.

Аленка предложила: «Пойдем игрушки мои посмотрим».

Красной Шапочке очень понравились игрушки, особенно большая кукла Катя, которая умеет говорить «ма-ма». И еще ей понравился автомобиль, который сам по себе умеет ездить.

— Мой папа шофер и ездит на таком же грузовике, — сказала Аленка.

Но Красная Шапочка и теперь не поверила: — Разве ж может взрослый человек поместиться в такой маленький тележке?

— Я сейчас, — Аленка побежала на кухню и скоро вернулась с большой кружкой молока.

— Давай есть твои пироги с молоком, — предложила Аленка.

Красная Шапочка взяла корзину, сказала: — Разве ж ты забыла, что я иду к больной бабушке?

— А, ладно, не надо. Давай есть молоко с хлебом, — не унималась Аленка.

— Спасибо, но мне надо в сказку, — заторопилась Красная Шапочка и, вздохнув, добавила: — Да еще дорогу придется искать.

— А тебе теперь волка бояться не надо будет, — весело сообщила Аленка.

Красная Шапочка удивленно посмотрела на нее.

— Я страницы про него из книжки вырвала.

— Теперь понятно, почему я дорогу забыла, — с грустью произнесла Красная Шапочка и пошла к двери.

Аленке так стало жаль свою новую подружку, что она заплакала: — Я найду эти страницы, ты только не уходи.

Красная Шапочка остановилась.

Аленка бросилась к книжной полке, где лежали ее растрепанные книжки.

— Вот они, странички! — наконец крикнула она.

— Тогда вставь их скорее в книжку, — обрадовалась Красная Шапочка.

Так Аленка и сделала. Но когда оглянулась, то в комнате никого не было.

Вечером Аленка попросила отца помочь ей подклеить страницы в книжке про Красную Шапочку.

— Ну, наконец-то наша стрекоза повзрослела, — обрадовался тот, и они вдвоем долго колдовали над книжкой, пока та стала как новая.

Ложась спать, Аленка сказала по секрету, что к ней в гости приходила сама Красная Шапочка и что они ели малину и смородину.

Мама поулыбалась, но не поверила. Да и как могут взрослые верить детским сказкам.

МАХАОН

Димка бегал по лесной опушке и рубил пластмассовым мечом высокие ромашки. Прилетела красивая бабочка и попыталась сесть на сломанный стебелек, но это ей не удалось. Тогда она, сердито взмахнув черно-желтыми крыльями, отлетела в сторону и села на розовый цветок Иван-чая.

У Димкиной сестры была книжка про бабочек, и она частенько рассказывала младшему братишке про них. Димка сразу же узнал в бабочке Махаона и решил поймать его, чтобы подарить сестре.

Он вытер ладошкой пот со лба и с криком «Ура!» бросился к Махаону.

Тот подпустил мальчика совсем близко, но неожиданно сорвался с места и перепорхнул на соседний цветок.

Димка снял с головы кепку и теперь осторожно стал подкрадываться к Махаону. Но и опять ему не удалось поймать бабочку. Так, гоняясь за хитрым Махаоном, Димка забежал в лес. Махаону надоело увертываться от надоедливого мальчишки, и он юркнул в крапиву.

Димка протянул было руку, чтобы схватить бабочку за сложенные крылья, но тут же отдернул: крапива пребольно его укусила.

Димка лизнул обожженную кожу и, подняв меч, хотел наказать обидчицу, но тут в верхушках деревьев зашумел ветер, в кустах боярышника что-то треснуло, а в дальней чаще жалобно закричала неведомая птица.

Димке стало страшно, и он стал звать маму, но только лесное эхо ответило ему.

Слезы появились на Димкиных глазах. Он прижался щекой к прохладной коре березы и, не переставая всхлипывать, принялся размышлять, почему это и мама, и бабушка, к которой они недавно приехали в гости, не идут за ним.

Махаону, видимо, стало жаль мальчишку, который только и умеет, что размахивать красной палкой, но наверняка не знает дороги домой. Он подлетел прямо к мокрому носу мальчика и запорхал у его глаз. Димка очень удивился, перестал плакать и отпустил березу.

Махаон же медленно полетел над высокой травой. Димка, конечно, догадался, что Махаон хочет показать ему дорогу и пошел за ним. Вскоре он вышел на тропинку, которая и привела его на поляну, где он недавно своим красным мечом рубил ни в чем не повинные ромашки.

От ближнего дома деревни к нему бежали мама и соседская девочка Галка. Подбежав к Димке, мама схватила его на руки и принялась целовать и бранить. Димке было не совсем понятно, за что его бранят и целуют одновременно, но все равно было хорошо сидеть на добрых маминых руках.

— Где ты был? — спросила мама и поставила сына на землю.

— В лесу, — солидно ответил тот и вложил свой меч в пластмассовые ножны, что болтались у него на ремешке.

— Как же ты нашел дорогу? — мама пригладила Димкины вихры.

Димка указал на порхавшую неподалеку великолепную бабочку и просто сказал: — Мы с Махаоном играли, а он тут все дороги знает.

Галка звонко рассмеялась. Мама тоже улыбнулась, но крикнула, чтобы Махаон слышал: — Спасибо тебе, добрая бабочка.

На другой день соседский мальчишка Мишка показал Димке большой спичечный коробок и таинственно прошептал: — У меня тут такая бабочка, которую ты отродясь не видел.

— Покажи, — попросил Димка.

— Ну уж ладно, покажу, — согласился Мишка и приоткрыл коробок. В коробке томился Махаон!

Не раздумывая, Димка отдал приятелю за коробку с Махаоном свою любимую игрушку — маленький литой танк с грозной пушкой.

Взяв коробок, он отошел в сторону и раскрыл его. Махаон был неподвижен. Тогда Димка стал дышать на него и — о чудо! Махаон встрепенулся, расправил свои прекрасные крылья, стремительно вспорхнул вверх и скоро исчез в голубом небе.

— Зачем отпустил? — возмутился Мишка.

— Так надо, — засмеялся в ответ Димка и побежал домой, где его ждала кружка парного молока и тарелка кружной, спелой малины.

БЕЛАРУСИК

У сельской мастерской скучал голубой трактор с большими черными колесами.

Он ждал ремонта и от нечего делать разглядывал муравьишек, спящих возле колес.

Он очень удивился, когда вдруг заметил рядом с собой маленького мальчика с луком и стрелами в руках.

— Как тебя зовут? — спросил мальчик у трактора.

— Все зовут Беларусиком, значит, мое имя Беларусик, — ответил трактор. — А тебя? — спросил он у мальчика.

— Васильком.

— А что ты здесь делаешь один? — допытывался трактор.

— Я уже знаю дорогу. Я уже большой и пришел к папе, — ответил мальчик.

— Он, наверное, работает в мастерской, — догадался трактор.

— Папа у меня самый сильный. Он чинит такие большие, красные, — важно ответил мальчик.

— Комбайны, — подсказал трактор.

— Комбайны, — согласился мальчик и собрался уходить.

— Может, ты поиграешь со мной, Василек? — застенчиво попросил трактор, которому очень захотелось пострелять из лука.

— Хорошо, давай играть, — согласился Василек.

Они стреляли из лука, потом строили дом из влажного песка; потом ловили длинноногих кузнечиков на соседнем душистом лугу; потом смотрели на солнышко через цветные стеклышки; потом пели песенку про Чебурашку; потом ели хлеб с яблочным вареньем, которым их угостил папа Василька; потом у Василька стали слипаться глазки.

Папа взял сына на руки, чтобы отнести домой, но Василек захотел проститься со своим голубым другом. Он погладил трактор по упругому колесу и сказал: — Спокойной ночи, Беларусик.

Трактор ответил так тихо, что его вновь услышал только один Василек.

— До свидания, малыш, — сказал он. — Приходи еще. Завтра я покажу тебе, где растет золотая пшеница.

— Приду, — ответил Василек и заснул.

УТРЕННЯЯ ПЕСЕНКА

Утром, когда солнышко, умытое серебристой росой, выходит из-за синего леса, Маришкины игрушки просыпаются. Первым поднимается слоненок Петя и, вытянув хобот, трубит: — Вставайте, вставайте!.. Медвежонок Тяпа спросонок недовольно урчит: — Вот неугомонный, спать не дает, слон!

— Я еще не слон, я слоненок, — возражает слоненок Петя и спешит умываться.

Следом встают розовая в пятнышках жирафа Нина, заводной песик Гав, тигренок Полоска, кукла Катя, клоун Смех.

Все игрушки спешат умываться, а затем все вместе начинают готовить себе завтрак на игрушечной плите. Работают дружно: кто несет манную крупу, кто сахар, кто масло, кто молоко, кто хлеб. Только музыкальный дирижер Ослик Иа сегодня никуда не спешит. Он лежит на полу в углу комнаты и даже не может пошевелиться. Вчера Маришка случайно оторвала ему передние ноги, и бедному ослику нечем ни умываться, ни дирижировать.

После завтрака игрушки начинают разучивать новую песенку про голубой шарик, сочиненную музыкальным дирижером осликом Иа.

Но почему-то у них не получается.

Слоненок Петя уныло дудит в красную пластмассовую трубу, тигренок Полоска нехотя разводит меха разноцветной гармоники, песик Гав неумело стучит по желтому барабану, клоун Смех без причины хохочет, кукла Катя разучилась читать ноты, а жирафа Нина стоит на месте, забыв, с какой ноги надо танцевать.

Наконец Маришка тоже проснулась, открыла глаза, села в постели и посмотрела на свои любимые игрушки. Очень удивилась девочка тому, как они неумело поют и играют.

— А где же ослик Иа, — забеспокоилась она. Но потом вспомнила, что у него оторвались ноги. Маришка слезла с кровати, подошла к беспомощному ослику и, взяв его в руки, расцеловала. Потом она отнесла его своей бабушке, чтобы та поскорее его починила. Пока Маришка умывалась, а потом завтракала, бабушка пришила ослику ноги и он поспешил к своим друзьям.

— Ура! — закричали игрушки, когда музыкальный дирижер Иа взмахнул своей дирижерской палочкой, и стали так хорошо играть, петь и танцевать, что даже солнышко, услышав песню про голубой шарик, отодвинуло в сторону набежавшую тучку и заглянуло в комнату.

СНЕЖИНКА

Шел снег. Таня вытянула руку и на ее варежку упала звездочка-снежинка.

— Ты откуда? — спросила Таня у снежинки.

— Я из тучки.

— А тучка откуда?

— Из воды.

— А вода откуда?

— Вода из реки.

— А река откуда?

— Из снега.

— А снег откуда?

— Снег лежит на горах.

— А горы откуда?

— Мне так жарко от твоих вопросов, — вздохнула снежинка и растаяла.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Приключение Индрика.....	1
Зеленый цветок	10
Три солнышка.....	13
Девочка и шмель	17
Никитка-храбрец	20
Иринка и Космос	23
Новая подружка	25
Махаон	28
Беларусик	30
Утренняя песенка	32
Снежинка	34

**ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ
КОНСТАНТИНОВ**

СКАЗКИ
Книга для чтения

Художник В. Н. Константинов
Редактор А. В. Воробьев
Технический редактор Г. В. Скорикова
Корректор И. А. Бурков
Издательство «Вариант В»

Лицензия ОРЛ-29 № 001

Сдано в набор 23.09.96 г. Подписано в печать . Формат 60x84/8. Офсетная
печать. Усл. п. л. 7,7. Тираж 5000 экз. Заказ № 3037.

Издательство «Вариант В». Орел, ул. 7 Ноября, 17.

Типография «Труд» комитета по печати, полиграфии и СМИ администрации
Орловской области. Орел, ул. Ленина, 1.